

неж: ВГУ, 2003. – 60 с.

18. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

19. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями): Пособие по спецкурсу. – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

20. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) / Т.З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – №1. – С.58-69.

21. Glaser R. The stylistic Potential of Phraseological Units in the light of Genre Analysis / R. Glaser // Phraseology: Theory, Analysis and Applications. - New-York: Ed: by A.P. Cowie Oxford Clarendon Press, 1998. – P.125-143.

Н.И. Купина

«БЕЗРОДНЫЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ (на материале французского языка)

Ещё в 20-е годы Е.Д. Поливановым была выдвинута идея о необходимости выделения фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину: «фразеология займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т.п.) в лингвистической литературе будущего...» [10: 11].

Фразеологический состав языка, безусловно, обладает определенной упорядоченностью по признакам сходства и различия со структурами, образованными на базе единиц лексико-семантической системы языка – словосочетаниями и предложениями. Фразеологизмы как бы заполняют пространство между словом – номинативной единицей и предложением – коммуникативной единицей. Фразеологизмы с точки зрения системы языка, являющиеся «избыточными» единицами» [12: 1], занимают положение надстройки лексического уровня и играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало жизни нации». Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями говорящего на данном языке народа. Фразеологизмы приписывают объектам не только признаки, которые ассоциируются с картиной мира, но и подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст) (в отличие от слова), оценивают её и выражают к ней отношение. Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности. По признанию В.Г. Гака во фразеологии французского языка употребляются преимущественно слова, обозначающие наиболее распространенные, близкие человеку понятия, такие как, ресницы, гортань, гланды и т.д. [3: 251]. Мы придерживаемся положения о том, что фразеологизмы выступают и как языковой, и как ментальный феномен одновременно. Фразеологический корпус – это неповторимая, национально-маркированная, идиоэтническая (термин Н.Н. Кирилловой), «фразеологическая картина» языка, выступающая результатом непосредственного отражения культурных процессов, и являющаяся частью языковой картины мира того или иного народа.

Благодаря фразеологии лингвокультурная общность идентифицирует

свое национальное самосознание и помогает другим народам увидеть и понять особенности своего менталитета. Фразеологизмы, выступающие как «языки культуры» подтверждают мысль Сепира-Уорфа о том, что язык, и именно его фразеологический состав, «навязывает» его носителям культурно-национальное миропонимание [15:9]. Устойчивые стереотипические словосочетания (иногда фразы) часто представляют собой структуры, отражающие определенные периоды состояния и развития каждого конкретного языка, его историю [16:58]. Жизнь этих языковых единиц в речи позволяет наблюдать формирование и рождение новых знаков, благодаря использованию собственных ресурсов, накопившихся в языке, а также проливает некоторый свет на процесс образования новых значений и даже новых слов. Например, фразеолекса *paille* фразеологизма *enlever la paille* 'пользоваться успехом; быть замечательным, выдающимся' коррелирует не с современной лексемой *paille* 'солома', а с устаревшей лексемой *pail* 'вид сукна'. Фразеолекса – это лексема в её несамостоятельной функции, с утраченными или приобретенными свойствами и функциями (термин Н.Н. Кирилловой).

Фразеология, по утверждениям многих лингвистов: В.Н. Телии, Т.З. Черданцевой, Д.О. Добровольского, А.Н. Баранова, Л.Б. Копчука, Ю.А. Шашкова, Ю.А. Рылова, Г.Г. Соколовой, Ю.А. Гвоздарева, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, В.Т. Клокова, М.М. Кривоноговой, Н.Н. Кирилловой, В.Г. Гака, А.Г. Назаряна и др., важна и для изучения процессов, происходящих в языке постоянно, сейчас. Прежде всего, речь идет о семантических процессах, таких как, синонимия, полисемия, десемантизация, метафора и метонимия, которые связаны с развитием системы значений слов, с рождением новых знаков и новых фразеологических единиц (ФЕ) в языке.

Известно, что всякая языковая единица имеет план выражения и план содержания. Согласно учению Ф. де Соссюра, в лексике за план выражения принимается акустический образ, ассоциативно связанный с понятием о предмете. Планом выражения фразеологизма считается не просто акустический образ словосочетания, а связь этого образа с первичным понятием о ситуации, т.е. с атомарным словосочетанием. Подобный факт представляет большой интерес для изучения языковой картины мира того или иного этноса (интерпретатора), так как в языковом сознании фразеологизмы проходят «обработку» через различные матрицы – синтаксические конструкции [7: 16].

В качестве исходного словосочетания для фразеологизма, по терминологии многих ученых, выступает либо прототип [13: 22], либо переменное словосочетание [13: 57], либо исходное [4: 23], либо свободное [10: 58 и др.]. В нашей работе мы будем придерживаться и использовать термин Н.Н. Кирилловой **атомарное словосочетание** (АСС) [7: 33], под которым понимается атомарное языковое выражение со структурой словосочетания, выполняющее функцию имени атомарного факта и послужившее первоосновой для фразеологической единицы. Фразеологизм представляет собой взаимосвязанные лексемы или словосочетания, спаянность которых может быть очень высокой [7: 14-15] и благодаря которой ФЕ имеет внутреннюю форму, тот образ [фразеологический образ по 14: 10] или префразеологический аспект (термин Н.Н. Кирилловой, 1988), который будет регулировать семантическую целостность, а следовательно, лексическое наполнение.

коммуникативное задание, а также лексико-семантическую совместимость на уровне подклассов. Каждая ситуация имеет множество признаков: какой из них будет выбран для воплощения в ФЕ – непредсказуемо. Но когда он выбран, то становится внутренней формой фразеологизма, его фразеологической семантикой (Копыленко, Попова, 1989: 19-20). Фразеологическое значение, иногда кардинально отличающееся от лексического значения, однажды возникнув, включается в систему и уже подчиняется тем же законам, что и значение слова [16: 58]. Например лексема *pet* ('кишечный газ, выходящий с шумом'), входящая в структуру лексико-фразеологического поля «Внутренние органы человека» во фразеологизме (будучи уже фразеолоксой) *il y a du pet* принимает совсем непредсказуемое значение 'шухер, оласность': «*Moi, je surveille par là, dit Dandieu. Toi par là. S'il y a du pet, tu ne fais rien sans me prévenir*» [17: 174].

Слово как единство материальной звуковой оболочки и закрепленного за ней в системе языка лексического значения (или системы значений) может быть сопоставлено или противопоставлено фразеологизму. Во-первых, возможно сопоставление (противопоставление) по плану выражения: цельнооформленность слова и раздельнооформленность фразеологизма). Во-вторых, на основе сравнения плана содержания: слова, как правило, но не всегда, не содержат эмоционально-оценочного компонента, а фразеологизм, напротив, обладает ярким коннотативным содержанием: Ср.: *rester avec la bave sur la langue* - 'уйти ни с чем' (АСС 'остаться со слюной на языке'). В-третьих, сопоставление слова и фразеологической единицы возможно на основе плана выражения и плана содержания этих языковых единиц. Слова в большей степени воспринимаются как немотивированные, а ФЕ характеризуются яркой образной мотивированностью на основе метафоры: слово *un crachat* 'мокрота' и ФЕ *se noyer dans un crachat* (АСС 'утопить в своей мокроте') 'спасовать перед малейшей трудностью'.

Ни одно слово (как и ни один фразеологизм) не равно другому – ни по смыслу, ни по сочетаемости или каким-либо другим признакам. Подобные индивидуальные различия складываются из параметров и значений параметров, повторяющихся, одни в десятках тысяч, другие в десятках слов [11: 23]. Поэтому каждое слово обладает внутренней формой, т.е. признаком (или группой признаков), который первоначально был положен в основу наименования денотата (реалии). Понятие внутренней формы, введенное А.А. Потемной (Потемня, 1892), получило дальнейшее развитие в работах П.Н. Ларина (Ларин, 1927), а Г.О. Винокур пишет, что «...внутренняя форма есть отношение трех одновременно актуальных семиотических систем: денотативной (прямое значение), коннотативной (поэтическое значение) и метаязыковой (рефлексивное значение)» [1: 327]. Фразеологизмы лишены прямого «вещественного (денотативного) фона», тогда как объем информации (сигнификативный аспект) заключен в интерпретации, оценке того или иного факта реальности, в которую включаются разные психологические наслоения, эмоциональные оценки, прагматические характеристики и т.д. [15: 42]. Именно вне денотата сосредоточены коннотации, придающие каждой фразеологической единице совершенно уникальный семантический результат – фразеологическое значение. Поэтому фразеологизмы различа-

ются коннотативным значением, которое непосредственно связано с ассоциативно-образным содержанием их внутренней формы.

Анализ лингвистической литературы позволяет выделить два подхода к определению внутренней формы ФЕ: лингвистический и психологический. Нас интересует, прежде всего, лингвистический подход, согласно которому внутренняя форма понимается как связь значений ФЕ с прямыми значениями её компонентов. При определении внутренней формы (ВФ) фразеологизма мы принимаем точку зрения В.Г. Гака, согласно которой она (ВФ) определяется той чертой объекта, которая кладется в основу наименования (Гак, 1981). Фразеологизм, как правило, – это синтаксически устойчивое словосочетание, обозначающее ситуацию и состоящее из лексем, соответственно предполагает существование (наличие) своей внутренней формы. Поэтому, по мнению Н.Н. Кирилловой, ВФ фразеологизма следует считать тот аспект ситуации, который обозначает одну из её логико-семантических сторон, на базе которой и возникает значение той или иной фразеологической единицы [7: 85-86].

Иными словами, внутренняя форма мотивируется, прежде всего, опорной лексемой, точнее, её значением или одним из её значений, иначе говоря, одним из ЛСВ многозначного слова. Внутренняя форма ФЕ имеет (выполняет) три функции: **генетическую, мотивирующую и стилистическую.**

Роль генетической функции заключается в самой возможности существования ФЕ и появления новых значений у уже существующих фразеологизмов: явление фразеологической полисемии. Ср.: *couper la gorge à qqn* 'перерезать кому-либо горло' и 'разорить кого-либо'. Первая фразеосемена содержит сему 'физической расправы над другим лицом', а вторая – сему 'причинение крупного материального урона кому-либо', что, несомненно, может повлечь смерть, точнее самоубийство, то есть действие человека направлено на самого себя. Стилистическая функция внутренней формы реализуется во фразеологической синонимии как внутри одного языка, так и между языками. Например, лексемы *cerveau* и *cervelle* находятся в типеро-гипонимических отношениях: часть-целое и являются лексическими синонимами. Но, отметим, что первая лексема входит в структуру нормативной лексики, а вторая – как его синоним, но уже в ранге фамильярной с изменением стилистической направленности. Во французском языке сферы функционирования этих существительных не совпадают. Что касается мотивирующей функции, то важно различать, по мнению А.Г. Назаряна, два плана – план порождения и план описания [10: 38]. Именно в плане описания внутренняя форма имеет мотивирующую функцию, так как исследование проводится от содержания к форме, когда значение ФЕ заранее известно, и между ним и значением предметно-реальной ситуации довольно легко устанавливается логическая, мотивирующая связь. В плане же порождения фразеологического значения, от формы к значению, большинство ФЕ оказывается немотивированными, так как их значения непредсказуемы, они не могут быть поняты без словаря. Целесообразно отметить, что мотивирующая функция имеет относительный характер, так как проявляется только в плане описания: *comme un pet sur une toile cirée* 'мгновенно скрыться, убежать'.

Таким образом, в состав лексико-фразеологического поля входят как мотивированные, так и немотивированные ФЕ. Первый тип фразеологизмов характеризуется сохранением устойчивой связи ФЕ с основным значением слова (если это моносемичное слово) или с одним ЛСВ (если это многозначное слово). Данная семантическая связь устанавливается:

1) между ФЕ и её переменным прототипом являющимся промежуточным звеном между фразеологизмом и породившей её реальной ситуацией;

2) при отсутствии переменного прототипа – между ФЕ и породившей её нереальной ситуацией;

3) при отсутствии переменного прототипа – между компонентом, употребляющимся в буквальном значении, и пересмысленном компонентом;

4) между ФЕ-дериватом и ФЕ, от которой она произошла.

Второй тип ФЕ можно охарактеризовать как «безродные» фразеологизмы, т.е., утратившие эту связь. «Безродные» фразеологические единицы обладают немотивированным фразеологическим значением, под которым «понимается отсутствие синхронной деривационной связи между значением ФЕ и буквальным значением её компонентов» [9:147]. В результате немотивированности происходит смена признаков, обозначаемых фразеологизмами: исчезают признаки, свойственные их прототипам, и возникают новые. Факторы немотивированности следующие:

- наличие архаических элементов в составе фразеологизма;
- отживание общественной практики, обычая, на основе которого позднее возник фразеологизм;
- отрыв от породившей его ситуации оборота с буквальным значением, на основе которого позднее возникла ФЕ.

Факторы немотивированности можно считать причинами потери мотивирующей связи с ЛСВ.

Таким образом, безродные фразеологизмы – это ФЕ, либо утратившие мотивирующую связь с ЛСВ, либо в состав которых входит компонент – псевдолексема, специально созданная и функционирующая только во фразеологизме.

Литература

1. Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Отв.ред. Г.В.Степанов, В.П.Нерознак. – М.: Наука, 1990. – 451 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 3-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
3. Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В.Г. Гак. - 2-е изд., исправ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.
4. Жуков В.П. Русская фразеология : Учебное пособие для вузов / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 309 с.
5. Кириллова Н.Н. О денотате фразеологической семантики / Н.Н. Кириллова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С.82-89.
6. Кириллова Н.Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий / Н.Н. Кириллова // Проблемы идиотнической фразеологии: Доклады на межвуз.семинаре / Под ред. Н.Н. Кирилловой. – Вып.2. – СПб.: Образование, 1997. – С.33-42.
7. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический ас-

пект: Монография / Н.Н. Кириллова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч.1: Природа и космос. – 319 с.

8. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 190 с.

9. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: «Феникс», 1996. – 381 с.

10. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и допол. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.

11. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С.23-44.

12. Пономарева Т.В. Фразеологические единицы в когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Пономарева Татьяна Викторовна. – М., 2002. – 25 с.

13. Соколова Г.Г. Фразеологическое образование во французском языке / Г.Г. Соколова. – М.: Высшая школа, 1987. – 144 с.

14. Солодуб Ю.П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сравнительный аспект) / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 264 с.

15. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

16. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) / Т.З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – №1. – С. 58-69.

17. Sartre J.-P. Mort dans l'âme. - P.: Gallimard, 1959. – 293 p.

Ли Вэньвэнь, В.Ф. Крюкова

МЕТАФОРА-СКАЗКА В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Метафору традиционно определяют как троп или фигуру речи, состоящую в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора предполагает использование слова не по его прямому назначению, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры. Взаимодействие метафоры с двумя различными типами объектов (денотатов) создает ее семантическую двойственность, двуплановость [1]. Учитывая различные точки зрения зарубежных и отечественных лингвистов на метафору как явление лингвистическое, семантическое, философское, эстетическое и, исходя из условий функционирования метафоры в художественном тексте, можно определить ее как смысловой сдвиг, один из типов переносного значения слова, семантическое явление, обусловленное наложением на прямое значение слова добавочного смысла, который становится доминирующим и служит для создания конкретных и абстрактных образов в составе метафорического контекста, в рамках которого и происходит их адекватное интерпретирование.

Современная лингвистика уделяет большое внимание проблемам метафоры, в ее исследованиях появились новые акценты и направления. «Метафора рассматривается не как некое образное речевое средство, которое находится на стилистической периферии языка и лишь в случае утраты